
К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы дееспособности: аргументы «за»

Кантор П.Ю., юрист правовой группы Региональной благотворительной общественной организации «Центр лечебной педагогики» (РБОО «Центр лечебной педагогики») (kantor@ccp.org.ru)

Статья обращается к вопросу о процедуре назначения судебной экспертизы в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации при рассмотрении гражданских дел о лишении либо ограничении дееспособности вследствие психического расстройства. В статье критически разбираются возражения против введения нормы об обязательной комплексной психолого-психиатрической экспертизе по этой категории дел. Указывается на взаимосвязь такой нормы с предшествующими изменениями законодательства. Изменение в порядке назначения экспертизы логически вытекает из потребности учитывать в соответствии с законом способности гражданина к принятию решений и социальному взаимодействию. В настоящее время комплексная психолого-психиатрическая экспертиза по этой категории дел назначается слишком редко, что приводит к тому, что существенные для дела обстоятельства остаются невыясненными судами. Организационно-технические препятствия, которые выдвигаются в качестве основных доводов против обсуждаемой нормы, сами по себе не могут блокировать назревшие изменения законодательства. Приводимые оппонентами статистические данные относятся к другим категориям дел и не могут служить основанием для выводов по обсуждаемой проблеме.

Ключевые слова: ограниченная дееспособность, недееспособность, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе, обязательное назначение судебной экспертизы.

Для цитаты:

Кантор П.Ю. К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы дееспособности: аргументы «за» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 1-8. doi: 10.17759/psylaw.2016060101

For citation:

Kantor P.Y. On the issue of a mandatory forensic comprehensive psychological and psychiatric examination of capacity: pro arguments [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 1. pp.1-8. doi: 10.17759/psylaw.2016060101

В первом номере журнала «Психология и право» за 2015 г. вышла статья «К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы ограниченной дееспособности» [7].

Авторы (психолог и юрист), научные сотрудники ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии Минздрава РФ» (в прошлом – ФГБУ ГНЦССП имени В.П. Сербского), критикуют предложение о включении в Гражданский процессуальный кодекс РФ нормы об обязательном производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам об ограничении дееспособности гражданина или о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства. Основные аргументы критиков сводятся к организационным осложнениям при переходе от однородной экспертизы к комплексной, дефициту психологов и увеличению финансовых затрат, связанных с ликвидацией такого дефицита.

Следовало ожидать, что введение в законодательство нового для нашего правового порядка института ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства, как и реформирование давно сложившегося института недееспособности, вызовут дискуссии, столкновения мнений и поставят множество вопросов перед законодателем и правоприменителем, которые окончательно могут быть разрешены и сняты лишь по мере накопления и обобщения судебной и экспертной практики. В этой связи можно только приветствовать обращение представителей профессионального сообщества к этим вопросам.

Однако, на наш взгляд, приводимые авторами статьи аргументы являются во многом несостоятельными и неубедительными, местами же – не вполне корректными.

1. Прежде всего, авторы пытаются представить дело таким образом, что введение обязательной КСППЭ – это некая произвольная новелла разработчиков. При этом ими не учитывается следующее ключевое обстоятельство. Законодатель, внося в Гражданский кодекс изменения, которые уже вступили в силу, изменил предмет доказывания как по делам об ограничении дееспособности, так и по делам о признании недееспособным (в частности, теперь перед судами встает вопрос о возможности выявления мнений и предпочтений недееспособного лица, а также о выявлении способности гражданина с психическим расстройством руководить своими действиями при помощи других лиц – см. части 2, 3 ст. 29 ГК РФ в новой редакции). Таким образом, судам необходимо отвечать на такие вопросы, которые раньше перед судами в делах о признании граждан недееспособными не стояли, причем эти вопросы выходят за пределы сферы специальных познаний врача-психиатра, поскольку находятся не в сфере психического здоровья, а в сфере способностей к социальной коммуникации и принятию решений, которые, даже будучи поврежденными психическим расстройством, остаются предметом специальных познаний психолога. Таким образом, предлагаемые изменения – это логичное продолжение и развитие новаций, уже внесенных в законодательство.

2. Подавляюще большинство данных, которые приводят авторы, относятся к КСППЭ по другим категориям дел. Так, можно с уверенностью сказать, что 30% КСППЭ от всех СПЭ составляют экспертизы практически исключительно по уголовным делам, либо по гражданским делам, касающимся оспаривания сделок (в основном – завещаний). Что же касается дел о лишении граждан дееспособности, то судебные дела, где была бы назначена КСППЭ, а не однородная СПЭ, носят единичный и исключительных характер. В известных разработчикам делах СПЭ никогда не выходила за пределы чисто медицинских аспектов психического состояния подэкспертного. Авторы статьи не отрицают, в принципе, необходимости КСППЭ по некоторым делам о лишении (ограничении) дееспособности¹, однако их тезис о том, что суды имеют возможность пользоваться КСППЭ и прибегают к этому инструменту в случае необходимости, практикой не подтверждается. Именно тотальное засилье однородных и сугубо «медицинских» экспертиз² вызвало к жизни предлагаемое нововведение. На неоправданную редкость назначения КСППЭ в гражданских делах указывают³ также и представители экспертного сообщества.

3. Главное препятствие для введения нормы авторы статьи видят в нехватке медицинских психологов в СПЭУ. На взгляд разработчиков предлагаемой нормы, указанная проблема, если и существует, носит организационный, а не научный или принципиальный характер, а организационные и материально-технические трудности сами по себе не могут быть препятствием для совершенствования законодательства, поскольку любое изменение законодательства, вообще говоря, требует организационных мер. Такой же позиции *mutatis mutandis* придерживался и Конституционный Суд РФ по многим делам (например, при рассмотрении вопроса о судебной процедуре заключения под стражу [4], введении суда присяжных⁴ и др.). К тому же, сами авторы указывают, что существующие штатные должности медицинских психологов заполнены на 45–65%. Можно предположить, что это связано именно с недостаточной востребованностью медицинских психологов как экспертов, и острота проблемы во многом может быть снята просто заполнением штатной численности. К тому же можно ожидать, что новые для судебной и экспертной практики дела об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства первые годы не будут носить массового характера и едва ли значительно повлияют на загруженность СПЭУ, что даст возможность экспертным органам плавно и постепенно перестроить свою деятельность. Следует отметить, что за три года, прошедшие с момента введения в Гражданский кодекс института ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства, головными экспертными организациями не было предпринято серьезных и конструктивных шагов по разработке методических рекомендаций проведения и организации соответствующих СПЭ. В этой связи было бы неправильно откладывать внесение назревших изменений в законодательство до того момента, пока организационные трудности будут устранены по собственной инициативе экспертного сообщества.

¹ На необходимость участия психолога при формулировании экспертного вывода о дееспособности указывают многие авторы, см., например: «Преодоление нерезультативности экспертного исследования может осуществляться за счет преобразования однородной судебно-психиатрической экспертизы в комплексную судебную психолого-психиатрическую.» [1, с. 284]

² И порождаемые этим судебные ошибки по данной категории дел, которые становились даже и предметом рассмотрений в ЕСПЧ [3].

³ «Несмотря на то, что СПЭ в гражданском процессе достаточно сложные, вызывает удивление, что суды редко назначают комплексные СПЭ» [2, с. 31].

⁴ Учет обстоятельств «организационного, материального и технического характера» не может «препятствовать законодателю... принять федеральный закон» [5, п. 5].

Сам по себе рост востребованности психологов связан с введением в 2012 г. в Гражданский кодекс категории ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства. Внесение необходимых изменений в ГПК предопределено этой новацией и носит по существу технический характер. Высказываемое в статье недовольство повышением роли психологов можно расценить как косвенное торпедирование решения Конституционного суда РФ, во исполнение которого в Гражданский кодекс и были введены указанные новации. Логичным было бы по мере накопления практики применения новеллы оценить и осуществить требуемые для ее реализации организационные мероприятия, а не занимать заранее пораженческую позицию.

4. Авторы указывают на нерешенность в настоящий момент проблемы разработки научных критериев экспертной оценки ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства. Следует согласиться с авторами в том, что эта проблема чрезвычайно актуальна. При этом, с одной стороны, нет оснований сомневаться в наличии в Российской Федерации достаточно квалифицированных научных кадров для решения этой задачи (к которым можно отнести и одного из авторов обсуждаемой статьи); с другой стороны, в окончательном виде такие критерии могут и должны сформироваться именно на основе практики применения проектируемой нормы.

Остальные, менее принципиальные аргументы, также вызывают возражения.

5. С учетом того, что действующее законодательство в принципе предусматривает крайне ограниченное количество случаев назначения обязательной судебной экспертизы, на наш взгляд, нельзя говорить о «беспрецедентном» характере нормы и нарушении «общих принципов назначения судебных экспертиз». Каждый из предусмотренных законом случаев обязательного назначения судебной экспертизы по-своему уникален, а потому и нет общих их принципов.

6. Нельзя признать убедительным и довод о том, что в случае невозможности исследования экспертом-психологом личности гражданина ситуация становится безвыходной. В экспертной практике регулярно возникают ситуации, когда эксперт любой специальности оказывается неспособен дать ответы на поставленные перед ним вопросы, что ни в коем случае не становится непреодолимым препятствием для рассмотрения судебного дела. В этом случае дело разрешается судом, исходя из других обстоятельств. Если эксперт-психолог укажет, что психологическое исследование подэкспертного невозможно, то суд просто сделает из этого соответствующие выводы.

7. Нельзя согласиться с утверждением о том, что дополнительные (по сравнению с однородной экспертизой) исследования будут ненужным травмирующим фактором для подэкспертного. Безусловно, мучительный и унижительный для подэкспертного характер судебно-психиатрической экспертизы в России представляет, как показывает практика, отдельную проблему, однако прием психолога и психологическое тестирование входят в существующие стандарты⁵ оказания психиатрической помощи, и вопрос об их негативном влиянии на больных, насколько известно, никогда не поднимался.

8. Нет ясной логической связи в умозаключении о том, что введение обязательной КСППЭ в данном случае неизбежно повлечет за собой расширение назначения обязательной судебной экспертизы и по другим категориям дел, а также упразднение однородной

⁵ См., например, Приказ Минздрава России от 24.12.2012 № 1400н и др.

судебно-психиатрической экспертизы. В действительности наличие обязательной судебной экспертизы по отдельным категориям гражданских и уголовных дел в течение многих десятилетий в общем не привело к ее распространению и на другие категории. С другой стороны, можно только приветствовать назначение экспертизы, в том числе и КСППЭ, там, где это может привести к установлению юридической истины. Кроме того, развивая тезис авторов о недопустимости ограничения суда и экспертов в определении вида и содержания экспертизы по конкретному делу, можно было бы предложить отменить обязательные экспертизы по определенным категориям дел вообще, оставив вопрос о назначении экспертизы на усмотрение сторон по делу и суда. Однако законодатель последовательно стоит на позиции сохранения в законе института обязательных экспертиз там, где публичный интерес превалирует над принципами состязательности сторон и независимости судов, т. е. там, где в деле участвует лицо особо уязвимое и не вполне способное отстаивать свои интересы в силу возраста или психического заболевания. Институт обязательных КСППЭ по обсуждаемой категории дел вполне отвечает этому принципу.

9. Неубедительным представляется и возражение против нововведений в принципе (обсуждаемому нововведению вменяется его «беспрецедентность» – не характерный для научного сообщества аргумент из серии «так никогда не делали»). Насколько известно, судебные психиатры по этой проблеме ни в печати, ни в рамках профессионального сообщества своего консолидированного мнения не выражали (в частности, ни один из авторов не является, собственно, психиатром-экспертом). Более того, как отмечают сами авторы, специфика развития этой сферы допускает сначала введение новых необходимых видов экспертиз в процессуальное законодательство (авторы приводят пример экспертиз, связанных с защитой ребенка) и затем, уже как следствие, их практическую разработку.

10. Как безосновательный и некорректный полемический прием следует расценить обвинение авторов обсуждаемого законопроекта в «антипсихиатрической» позиции⁶, с отдельным упоминанием РБОО «Центр лечебной педагогики». Ни представители Центра, входящие в состав группы разработчиков, ни рабочая группа в целом никогда не ставили под сомнение роль психиатров в рассмотрении данной категории дел, как и то, что первопричинами для лишения или ограничения дееспособности являются именно психические расстройства, требующие квалифицированной психиатрической помощи. Скорее, можно вернуть авторам статьи упрек в том, что они заведомо сомневаются в квалификации экспертов-психиатров, если предвидят неизбежные противоречия в выводах экспертов-психиатров и экспертов-психологов, которые, якобы, придется разрешать суду. Высказанный в начале и проходящий красной нитью через всю статью тезис, что введение КСППЭ при определении меры дееспособности гражданина «грубо нарушает профессиональную самостоятельность судебных психиатров», содержит признаки немотивированного страха, а также «комплекса монополиста»: ведь психологи тоже имеют право на «профессиональную самостоятельность». При этом (как верно подмечено в самой статье) именно в компетенцию психологов входит исследование способностей человека, в том числе юридически значимых – понимать значение своих действий и руководить ими:

⁶ В настоящее время термин «антипсихиатрический» обычно используется в отношении представителей нетрадиционных деструктивных религиозных культов и «медицинских диссидентов» с экстремистскими реформаторскими идеями. Но даже в более традиционном назначении, как наименование конкретного направления западных научных школ, этот термин не может быть применен по отношению к Центру лечебной педагогики – как организации, уже более 25 лет оказывающей психолого-педагогическую и медико-социальную помощь детям и взрослым с нарушениями психического развития и их последствиями в сотрудничестве с психиатрами традиционной российской школы и имеющей медицинскую лицензию на оказание психиатрической помощи.

эти способности, согласно свидетельству самих авторов, «определяются через психологические категории». На взгляд разработчиков, выводы психологов и психиатров должны дополнять друг друга, давая суду многостороннюю оценку ситуации, что, собственно, и является целью любой комплексной судебной экспертизы.

На основании изложенного можно сказать, что статья в целом не указывает на какие-то непреодолимые, а тем более принципиальные препятствия для введения в действие предлагаемой новеллы, а также не содержит убедительных доводов против ее целесообразности.

Литература

1. *Корзун Д.Н.* Методология судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе: дис. ... докт. мед. наук / ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского». М., 2014. 309 с.
2. *Мохонько А.Р., Муганцева Р.А.* Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2012 году: аналитический обзор. Вып. 21. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2013. 192 с.
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.03.2008 «Дело “Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации”» (жалоба N 44009/05).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 г. № 14-П.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 г. № 3-П.
6. Приказ Минздрава России от 24.12.2012 № 1400н.
7. *Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н.* К вопросу об обязательном назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы ограниченной дееспособности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76144.shtml> (дата обращения: 20.02.2016).

On the issue of a mandatory forensic comprehensive psychological and psychiatric examination of capacity: pro arguments

Kantor P.Y., Legal Consultant, Legal Department of the Regional Non-profit Social Organization «Center for Curative Pedagogics» (RNSO «Center for Curative Pedagogics») (kantor@ccp.org.ru)

The article again addresses the issue of forensic examinations of incapacity or limited capacity due to the mental disorder in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. The article critically discusses the common objections to establishing a mandatory appointment for a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in this category of cases. The author observes how this proposed requirement is connected with earlier legislation updates. The new rule logically follows from the need to consider, in according to law, a person's ability for decision making and social communication. Currently, a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination is appointed too rarely in these cases, which leads to the insufficient comprehension of these significant factors by the courts. Organizational and technical hurdles, which are considered to be main arguments against the discussed rule, shouldn't prevent the long overdue legislation innovations. Statistical data presented by the opponents relates to different categories of cases and, therefore, cannot be a basis for the conclusions about the issue discussed.

Keywords: limited capacity, disability, comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychiatric examination in civil proceedings, mandatory appointment of judicial examination.

References

1. Korzun D.N. Metodologiya sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy v grazhdanskom protsesse: diss. ... dokt. med. nauk. [Methodology of forensic psychiatric examination in the civil procedure. Dr. Sci. (Medicine) diss.]. FGBU «GNTsSSP imeni V.P. Serbskogo», Moscow, 2014. 309 p.
2. Mokhon'ko A.R., Mugantseva R.A. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti sudebno-psikhiatricheskoi ekspertnoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v 2012 godu: Analiticheskii obzor.[General indicators of forensic psychiatric expert service activity in the Russian Federation at 2012: Analytic Review].– Moscow: FGBU «GNTsSSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2013. – Vyp. 21. – 192 p.
3. Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 27.03.2008 «Delo "Shtukaturov (Shtukaturov) protiv Rossiiskoi Federatsii"» (zhaloba N 44009/05) [The European Court of Human Rights Chamber judgment in the case of Shtukaturov v. Russia (application no. 44009/05)].

4. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.06.1996 g. [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation]. № 14-П.
5. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.02.1999 g. [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation]. № 3-П.
6. Prikaz Minzdrava Rossii ot 24.12.2012 [Decree of the Ministry of Health of the Russian Federation]. № 1400н.
7. Safuanov F.S., Shishkov S.N. K voprosu ob obyazatel'nom naznachenii kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy ogranichennoi deesposobnosti [Elektronnyi resurs] [On the issue of mandatory appointment of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of limited capacity]. *Psikhologiya i pravo. [Psychology and Law]*. 2015. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76144.shtml> (Accessed 20.02.2016).